

А. Н. Саликов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕЙ
ТРАКТАТА
«К ВЕЧНОМУ МИРУ» И. КАНТА
В СОВРЕМЕННОЙ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МИРА¹

Обсуждается интерпретация идей кантовского трактата «К вечному миру» в современной либеральной теории демократического мира. Несмотря на то что сами представители этой теории видят в кантовском проекте прочного мира политико-философскую основу своей концепции, анализ показывает, что многие идеи Канта теория демократического мира истолковывает не вполне корректно.

*This article focuses on the interpretation of ideas of Kant's **Perpetual Peace** treatise in the modern democratic peace theory. Despite the fact that the advocates of the theory consider Kant's perpetual peace project the political and philosophical framework of their concept, the analysis shows that the democratic peace theory misinterprets many ideas of Kant.*

Ключевые слова: вечный мир, либерализм, международные отношения, теория демократического мира, гражданско-правовое состояние, республика, федерация, мирный проект.

Key words: perpetual peace, liberalism, international relations, democratic peace theory, legal status, republic, federation, peace project.

Трактат «К вечному миру», вышедший из-под пера кёнигсбергского философа Иммануила Канта более двух столетий назад, давно уже стал классической политической философией и сравнительно недавно появившейся философией международных отношений (хотя в вопросе о статусе этой отрасли философии до сих пор нет согласия среди политологов, философов и специалистов-международников [8, с. 6–12]). Однако, несмотря на ее возраст, эта работа Канта до сих пор продолжает оказывать влияние на современные философские дискуссии, посвященные вопросам войны, мира и международного права. Жанр «призыва к миру», в котором написан трактат, не был чем-то новым в истории политической мысли: еще задолго до Канта возможность прекращения войн и установления прочного ми-

ра обсуждалась в «Жалобе мира» (1516) Эразма Роттердамского, «Мемуа-

рах» (1662) герцога де Сюлли и в «Проекте вечного мира» (1713) аббата де Сент-Пьера. В чем же тогда заключается новизна и актуальность кантовского мирного плана? Немецкий философ Фолькер Герхардт в своей книге «Проект Иммануила Канта "К вечному миру". Теория политики» [4, S. 9–10] обращает внимание на два основных момента, обуславливающих, выражаясь модным ныне термином, инновационность кантовского мирного плана по сравнению с проектами его предшественников. Во-первых, проект Кант направлен не на решение локальных конфликтов, а на установление прочного мира в планетарном масштабе. Во-вторых, в качестве средства установления мира на планете Кант рекомендует то, что прежде предполагалось применять лишь на внутригосударственном уровне. Речь идет о праве. При этом кантовский мир основывается на идее прав человека и гражданина, а также на идее международного права, охватывающего все государства. Это позволяет сдерживать возникновение новых конфликтов и при необходимости регулировать уже имеющиеся посредством международного сотрудничества и международного правосудия. Поэтому установление прочного мира, или, по-другому, правового состояния, между государствами возможно лишь в том случае, если в их внутренних делах будет достигнуто гражданско-правовое состояние [4, S. 10].

К двум инновационным моментам кантовского трактата, отмеченным Герхардтом, следовало бы добавить идею Канта о влиянии формы внутреннего устройства государства на его внешнюю политику, которая до сих пор является одной из самых обсуждаемых кантовских идей в современной философии международных отношений. Уже Макиавелли и Монтескье в своих трудах отмечали, что равномерное распределение материальных благ в республиках способствует миролюбию последних на международной арене. Но лишь в трактате Канта это эмпирическое наблюдение было впервые подвергнуто философскому анализу. И все же, несмотря на свою новизну и актуальность, кантовский мирный проект был буквально спустя несколько десятилетий после выхода в свет «забыт» и долгое время рассматривался специалистами-международниками как абстрактная теория или даже как наивная утопия, не имеющая отношения к реальному положению дел в международных отношениях, а значит, и не применимая для решения настоящих и будущих международных проблем.

Однако во второй половине XX века произошел резкий всплеск интереса к трактату Кант в теории международных отношений, прежде всего со стороны представителей ее либерального течения. При этом наибольший интерес сторонников либерализма вызвали три Окончательные статьи мирного договора, предложенного Кантом:

- 1) внутреннее устройство государств должно быть республиканским;
- 2) государства должны заключить между собой мирный союз (*foedus pacificum*);
- 3) всем людям должно быть гарантировано право всемирного гражданства [10, с. 14–26].

Интерпретация этих статей «Вечного мира» в духе либерализма привела к возникновению одной из наиболее влиятельных и обсуждаемых современных концепций в теории международных отношений – теории демократического мира (далее – ТДМ).

Началось все с того, что в 1964 году американский социолог Дин Бабст (Dean Babst) опубликовал в малоизвестном социологическом журнале

«Висконсинский социолог» («Wisconsin Sociologist») статью, в которой утверждал, что с 1789 по 1941 год в мире не было ни одной войны между независимыми государствами, возглавляемыми выборными правительствами [1, р. 9–14]. На основе приведенных статистических данных Бабст в своей статье утверждал прямую взаимосвязь между внутренним политическим устройством демократических стран и их миролюбивой внешней политикой по отношению друг к другу. Выводы Бабста долго оставались незамеченными, пока в 1976 году на его работу не обратили внимание американские специалисты в области конфликтологии Мелвин Смолл (Melvin Small) и Дэвид Сингер (David J. Singer), которые в своей статье «Склонность демократических режимов к войне, 1816–1965» («The War Proneness of Democratic Regimes, 1816–1965») [6], опубликованной в авторитетном издании «Иерусалимский журнал международных отношений» («The Jerusalem Journal of International Relations»), подвергли тезис Бабста о миролюбии демократий по отношению друг к другу жесткой критике, подкрепляя свою позицию данными из тех же временных рамок, свидетельствовавшими, что войны с участием демократий происходили не реже и унесли не меньше жизней, чем войны с участием исключительно недемократических государств [12]. Хотя Смолл и Сингер признавали, что действительно за период с 1789 по 1941 год, «без учета двух маргинальных исключений», не было войн между демократическими странами, однако они объясняли это тем, что войны, как правило, происходят между соседними государствами, тогда как в этот исторический период количество демократий было столь мало, что они редко граничили между собой. Позднее аргументы Смолла и Сингера были опровергнуты на основании более точных подсчетов, однако на тот момент тезис Бабста признали ложным и на время забыли [12].

В 1983 году американский ученый-международник Майкл Дойл (Michael Doyle) в статье «Кант, либеральное наследие и международные дела» [2], опубликованной в журнале «Философия и публичные дела» («Philosophy and Public Affairs»), обнаружил политико-философское основание ТДМ в трактате И. Канта «К вечному миру». До М. Доила представители либерального течения в теории международных отношений редко обращались к этой работе, упоминая только вывод Канта о принципиальной достижимости прочного мира лишь при условии морального и политического совершенства человечества, но при этом не уделяли внимания объяснению механизма взаимосвязи внутреннего устройства государства с его внешней политикой [12]. Дойл же обратился к одному из условий прочного мира у Канта, согласно которому государственное устройство должно быть республиканским. Кант полагал, что общие ценности, разделяемые республиками, развитые экономические связи и «дух торговли» [10, с. 35] будут содействовать постепенному сближению государств друг с другом, заключению между ними «мирного союза» и его последующему расширению вплоть до полного «покрытия» территории всей планеты. Отсюда Дойл сделал вывод о том, что республики не станут воевать друг с другом, поскольку не смогут оправдать перед своими гражданами необходимость войны с государством со схожими либеральными ценностями. Дойл даже в каком-то смысле пошел дальше Канта и выдвинул тезис о том, что либеральные ценности, общие для всех государств с демократической формой устройства, побуждают демократии к агрессивному поведению по отношению к не-демократиям [12]. Более того, считал Дойл, демократии

неизбежно рассматривают не-демократии как источник потенциальной агрессии и поэтому склонны принимать по отношению к ним превентивные меры, вплоть до ведения военных действий. Именно по этой причине, полагал Дойл, демократии оказываются участниками войн не реже, чем не-демократии, даже несмотря на то, что «демократии между собой не воюют».

Тезисы Дойла были развиты в работах представителей либерального течения в теории международных отношений, таких как Брюс Руссет (Bruce Russett), Джона Онил (John Oneal), Эрнст-Отто Чемпиль (Ernst-Otto Czempiel) и многих других, что привело к формированию группы теорий, которые объединяют под названием «теории демократического мира». Если не углубляться в тонкости интерпретации теории демократического мира тем или иным исследователем, то в общем можно сказать, что ТДМ существует в двух основных вариантах: одномерном, или монадическом (monadic), и двухмерном, или диадическом (dyadic). Так называемая монадическая ТДМ утверждает, что демократические государства в целом более мирные, чем недемократические. Диадическая теория, поддерживаемая большинством сторонников ТДМ, предполагает, что демократии не воюют друг с другом. Диадическая же утверждает, что поскольку демократии открыты и доверяют друг другу, их внешние противоречия разрешаются так же, как и внутренние разногласия, — посредством дискуссий, компромиссов и уступок. В то же время, по мнению сторонников диадической ТДМ, демократии не могут доверять недемократическим режимам, так как намерения этих государств непредсказуемы в силу авторитарного управления и подавления в них общественного мнения. Таким образом, в недемократических странах, как и в демократических, способ ведения политики внутри государства распространяется и на его внешнюю политику.

Однако, несмотря на то, что представители ТДМ опираются в своих теоретических построениях на тезисы, изложенные в кантовском трактате «К вечному миру», есть веские основания сомневаться в правильности истолкования идей Канта в ТДМ. Даже в одном из основных тезисов этой теории — в тезисе о более миролюбивой природе современных либеральных демократий — отдельные исследователи видят существенное искажение и упрощение идей Канта. Каким образом, исходя из идей кантовского проекта установления прочного мира, можно объяснить тот эмпирический факт, что современные демократии участвуют в войнах не реже стран с недемократической формой государственного устройства? Одни (например, Э.-О. Чемпиль) объясняют это недостатком демократии во внешней политике современных либеральных демократий, другие (реалисты) — неправильным истолкованием учения Канта в либерализме, рассматривая последний как своего рода идеологию гегемонии западных демократий, направленную на оправдание попыток Запада силовым путем обеспечить распространение демократии на планете [4, S. 45–69]. Кроме того, как отмечает в своей статье «Факторы умиротворения человечества в современной либеральной парадигме "демократического мира": критический анализ» А. А. Изгарская, сторонники ТДМ упустили то обстоятельство, на которое указывает Кант, а именно — способность самых развитых и богатых цивилизаций, «преимущественно торговых государств» [10, с. 399], инициировать своим поведением конфликты [9, с. 57]. Уже во времена Канта война была чрезвычайно дорогим занятием, а это, по мнению кёнигсбергского философа, наделяло страны с развитой рыночной экономикой большими возможностями тра-

тить на военные нужды, чем другие страны. Обладая же более сильной армией, чем соседи, сложно удержаться от силового решения конфликтов.

Исследователи обращают внимание и на то, что республиканское устройство, которое Кант рассматривает как одно из важнейших условий достижения прочного мира [10, с. 14–15], далеко не идентично внутреннему устройству современных либеральных демократий [12]. Текст «К вечному миру» отчетливо свидетельствует о том, что Кант негативно относился к демократии (хотя и в ее определенном понимании): «...демократия в собственном смысле слова есть неизбежно деспотизм, так как она неизбежно устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые тем не менее не все, — это противоречие общей воли с самой собой и со свободой» [10, с. 16–17]. Это дает основания усомниться в тождестве кантовской республики и современных либеральных демократий. Республика у Канта, по всей видимости, представляет собой некий идеальный тип, к которому нужно стремиться. Очевидно, что практически ни одна современная либеральная республика не соответствует обозначенному Кантом идеалу. Если же рассматривать современные либеральные демократии как максимальное приближение к нему, то это дает возможность подвергнуть критике современные демократии, которые в ряде случаев явно отклонились от идеальной республиканской модели поведения на международной арене [12]. В этой связи особенно часто критикуется попытка отдельных представителей ТДМ отождествить универсальные человеческие ценности с ценностями либеральных демократий и на основании этого оправдать, например, стремление США распространить свои политические ценности на остальную часть мира [7]. Так, А. А. Изгарская отмечает, что сторонники ТДМ «упускают из вида неуспех уже имевших место в истории человечества попыток привнесения принципов республиканизма и демократии (революционной Францией конца XVIII — начала XIX века, Советским Союзом)» [9, с. 56]. Например, принцип привнесения демократии извне, когда демократическая форма государственного устройства (причем во вполне конкретном ее варианте) противоречит самому духу кантовского трактата. На страницах «К вечному миру» Кант четко и ясно заявляет о недопустимости вмешательства во внутренние дела других государств: «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства» [10, с. 9].

Еще один наиболее часто встречающийся упрек в адрес представителей ТДМ — ошибочная трактовка кантовского понимания мирного союза государств или народов, который необходим для достижения мира. В трактате «К вечному миру» Кант следующим образом пишет о необходимости заключения мирного союза государств: «В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься, подобно отдельным людям, от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) государство народов (*civitas gentium*), которое в конце концов охватило бы все народы

земли. Но, исходя из своего понятия международного права, они решительно не хотят этого, отвергая тем самым *in hypothesis* то, что верно *in thesis*. Вот почему не положительная идея мировой республики, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза, отвергающего войны, прочно существующего и постоянно расширяющегося, может сдерживать поток враждебных праву и человеку склонностей при сохранении, однако, постоянной опасности их появления» [10, с. 22–23]. Представители ТДМ предпочитают интерпретировать мирный союз, о котором пишет Кант, как своего рода «клуб» демократических государств, которые объединяются в него на основе общности ценностей и схожести государственного устройства. Однако у Канта нигде не говорится о каких-либо ограничениях, накладываемых на внутреннее устройство стран, желающих присоединиться к мирному союзу других государств, или о том, что в этот союз могут вступать только республики. Любое ограничение на вступление в федерацию свободных государств противоречило бы самому духу кантовского мирного проекта, который предусматривает постепенное укрепление правовых отношений и экономических связей между государствами, благодаря чему деспотии могли бы под влиянием республик эволюционировать по направлению к усилению норм права в их внутривнутриполитических делах и, в конечном итоге, к установлению в них гражданско-правового состояния.

В рамках философии Канта не находит обоснования и тезис отдельных представителей ТДМ, согласно которому демократии, помимо естественного стремления к объединению с другими демократиями, испытывают склонность к агрессивному поведению в отношении с не-демократиями. Представители ТДМ аргументируют свой тезис тем, что демократии рассматривают государства с недемократическим устройством как потенциальную или реальную угрозу своему существованию и поэтому вправе принимать соответствующие превентивные меры. В качестве подобных мер могут быть избраны в том числе и не всегда безупречные с моральной точки зрения «операции по принуждению к миру» или «экспорт демократии». Однако теоретики ТДМ «забывают», что, согласно Канту, применение насилия по отношению к другому государству и вмешательство в его дела совершенно недопустимы и не ведут к установлению прочного мира, а это означает, что в решении конфликтов государства должны прежде всего руководствоваться нормами международного права. Кроме того, тезис о миролюбии демократий по отношению друг к другу подвергается критике со стороны представителей реализма в теории международных отношений, которые связывают малое количество войн между демократиями поляризацией сил в международной системе (которая после 1945 года была расколота на оборонительный союз западных демократий против стран Варшавского договора) [5, S. 115].

Неудовлетворительной находят некоторые исследователи и интерпретацию представителями ТДМ третьей Окончательной статьи «Вечного мира», в которой Кёнигсбергский философ ограничивает право всемирного гражданства условием всеобщего гостеприимства. Так, итальянский исследователь Луиджи Каранти полагает, что в третьей Окончательной статье речь идет не просто о праве посещения других стран: здесь Кант «прокладывает дорогу глобальному сообществу, которое точнее всего понимать

как социальный аспект наднационального образования, для которого федерация народов (и впоследствии мировая республика) представляет, в свою очередь, институциональную сторону» [12, с. 26]. Отсюда можно заключить, что третья Окончательная статья понимает право на посещение значительно шире, чем ТДМ, в которой последнее сводится к экономическим и торговым контактам. Как справедливо отмечает Каранти, «в третьей Окончательной статье Кант прокладывает дорогу глобальному сообществу, которое точнее всего следует понимать как социальный аспект наднационального образования, для которого федерация народов (и впоследствии мировая республика) представляет, в свою очередь, институциональную сторону» [12, с. 28]. А это означает, что «первоочередной задачей третьей Окончательной статьи является взаимное знание, а обмен товарами — всего лишь одно из средств, с помощью которого этот результат эффективно достигается» [12, с. 29].

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, есть все основания полагать, что ТДМ, хотя формально и опирается на идеи кантовского трактата «К вечному миру», в действительности существенно их искажает и в значительной мере отступает от сути мирного проекта Канта. Заимствовав у него представление о влиянии формы государственного устройства на внешнюю политику, идею о миролюбии республик, идею мирного союза народов и тезис о благоприятном воздействии торговли на установление мирных отношений между странами, представители ТДМ трансформировали их в теорию, удобную для объяснения агрессивной внешней политики некоторых современных демократий, но уводящую практику международных отношений по ложному пути (ТДМ является теорией, определяющей политику многих стран Запада, в частности США). Возможно, сторонникам теории демократического мира следовало бы прислушаться к той критике, которой подвергается ТДМ со стороны многих исследователей, чтобы она стала действительно теорией мира, а не перемирия.

Список литературы

1. *Babst D.* Elective Governments — A Force for Peace // *The Wisconsin Sociologist*. 1964. Vol. 3, №1. P. 9—14.
2. *Doyle M.W.* Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. 1983. I, II (12). P. 205—235, 323—353.
3. *Geis A., Müller H., Wagner W.* (Hg.) *Schattenseiten des Demokratischen Friedens. Zur Kritik einer Theorie liberaler Außen- und Sicherheitspolitik*. Frankfurt/Main, 2007.
4. *Gerhardt V.* Immanuel Kants Entwurf “Zum ewigen Frieden”. Eine Theorie der Politik. Darmstadt, 1995.
5. *Hidalgo O.* Kants Friedensschrift und der Theorienstreit in den Internationalen Beziehungen. Wiesbaden, 2012.
6. *Pagden A.* Imperialism, liberalism and the quest for Perpetual peace // *Deadalus*. 2005. Vol. 134, Is. 2. P. 46—65.
7. *Small M., Singer D.J.* The War Proneness of Democratic Regimes, 1816—1965 // *Jerusalem Journal of International Relations*. 1976. №1. S. 50—69.
8. *Баталов Э.Я.* О философии международных отношений. М., 2005.
9. *Изгарская А.А.* Факторы умиротворения человечества в современной либеральной парадигме «демократического мира»: критический анализ // *Вестник НГУ*. 2008. №1. С. 54—58.
10. *Кант И.* К вечному миру. Философский проект // *Кант И.* Соч. : в 8 т. Т. 7. М., 1994.

11. *Каранти Л.* «Вечный» мир и мир «либеральный»: три пункта непонимания // Тезисы докладов на Международном исследовательском семинаре «Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики», Калининград, 20–22 апреля, 2012. URL: http://issuu.com/kant-online/docs/caranti_-_perpetual_peace_and_liberal_peace

12. *Кулагин В.М.* Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. №1. С. 23–38.

Об авторе

Саликов Алексей Николаевич — канд. филос. наук, заместитель директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, salikov123@mail.ru

About author

Dr *Alexei Salikov*, deputy director of Kant Institute, IKBFU, salikov123@mail.ru